

Джеффри Дивер Могила девы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647707
Могила девы: АСТ; М.:; 2013
ISBN 978-5-17-078273-4*

Аннотация

Бежавшим из тюрьмы убийцам терять нечего, а их главарь Луис Хэнди пролил уже столько крови, что еще несколько невинных жертв ничего для него не значат.

Преступники похищают восьмерых школьниц и двух учительниц – и клянутся каждый час убивать одну из заложниц, пока полиция не выполнит их требования.

Первая кровь уже пролилась.

Убийцы не шутят.

И тогда полиция просит о помощи лучшего переговорщика ФБР – Артура Поттера.

Артур и его команда пытаются как-то достучаться до похитителей. Однако Хэнди не поддается на уловки переговорщиков.

Дуэль начинается. А на кону – жизни людей!...

Содержание

I		4
	08:30	4
	09:10	12
II		16
	10:35	16
	11:02	25
	Полдень	40
	12:33	52
	13:01	60
	13:25	65
	Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джеффри Дивер

Могила девы

I

Зал забоя скота

08:30

*Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте,
Ветер холодный – разве это хорошо?*

Маленький желтый школьный автобус взобрался на крутой подъем шоссе, и она на мгновение увидела огромное покрывало блеклой пшеницы – раскинувшееся на тысячу миль пространство колыхалось и колыхалось под серым небом. Затем они снова нырнули вниз, и горизонт исчез.

*Расправили птички крылья
И взмыли к клубящимся облакам.*

Запнувшись, она посмотрела на девочек, которые одобрительно ей кивали. И поняла, что разглядывает густую пелену пшеницы, не обращая внимания на свою аудиторию.

– Нервничаете? – поинтересовалась Шэннон.

– Не спрашивай ее, – предостерегла подругу Беверли. – Плохая примета.

– Нет, – ответила ученицам Мелани, – она не нервничает, – и снова посмотрела на пролетавшие мимо поля.

Три девочки клевали носами, но остальные пять не спали и ждали продолжения стихотворения. Мелани снова начала читать его, но не успела закончить и первой строки, как ее перебили.

– Подождите, а что это за птицы? – нахмурилась Киэл.

– Не перебивай! – воскликнула семнадцатилетняя Сьюзан. – Перебивают только филистеры.

– А я не такая! – ошетинулась Киэл. – Кто такие филистеры?

– Тупые придурки, – объяснила Сьюзан.

– Тупые придурки? – удивилась Киэл.

– Дай ей закончить.

– Восемь маленьких птичек по небу всю ночь летали, – продолжала Мелани. – Пока на солнышко не попали.

– Стоп, вчера их было пять, – рассмеялась Сьюзан.

– Теперь ты перебиваешь, – заметила долговязая проказница Шэннон. – Значит, ты сама фи... как этот там? Филадель...

– Филистер, – поправила Сьюзан.

Круглолицая Джойслин, слишком робкая, чтобы как-то себя проявить, энергично закивала, словно тоже заметила оговорку, но постеснялась сказать вслух.

– Но вас-то восемь, поэтому я и поменяла число.

– А разве можно? – спросила четырнадцатилетняя Беверли, вторая по старшинству ученица в автобусе.

– Мое стихотворение, – отрезала Мелани. – Сколько захочу, столько и будет птиц.

– Сколько там будет людей? На декламации?

– Сто тысяч. – Казалось, Мелани говорит вполне серьезно.

– Не может быть! Правда? – живо отозвалась восьмилетняя Шэннон, тогда как Киэл, ее сверстница, выглядевшая намного старше, закатила глаза.

Мелани вновь посмотрела в окно, где проплывали унылые пейзажи среднего юга Канзаса с единственным цветным пятном – голубой силосной ямой компании «Харвестор». Стоял июль, но погода была холодной, и хмурое, затянутое облаками небо грозило дождем. Они проехали мимо огромных комбайнов и автобусов с рабочими-мигрантами, за которыми катились передвижные туалеты. Землевладельцы и издольщики управляли огромными тракторами «Мейси» и грузовиками «Харвестор», и Мелани представила, с какой тревогой они глядят на небо. Настала пора собирать озимую пшеницу, а ливень мог свести на нет восемь месяцев напряженного труда.

Мелани отвернулась от окна и, смущаясь, стала разглядывать ногти, которые каждый вечер старательно подравнивала и подтачивала. Их покрывал тонкий слой лака, и они казались настоящими перламутровыми чешуйками. Она подняла руки и предложила на суд девочек еще несколько стихотворений, выделяя со вкусом, словно нараспев, каждое слово.

Ни одна из девочек больше не спала: четыре смотрели в окна, три уставились на руки Мелани, а пухленькая Джойслин Вейдерман следила за каждым движением учительницы.

«Эти поля никогда не кончатся», – подумала Мелани.

Сьюзан проследила за ее взглядом.

– Черные дрозды. И вороны, – вздохнула она.

Да, именно они. И не пять, и не восемь, а тысяча, целая стая. Птицы косились на землю, на желтый автобус, смотрели в нахмурившееся лиловато-серое небо.

Мелани взглянула на часы. Они еще не выбрались на автостраду. До Топики оставалось минимум три часа.

Автобус съехал в очередной пшеничный каньон.

Она почувствовала тревогу прежде, чем осознала ее причину. Потом Мелани рассудила, что это не было ни внутренним предупреждением, ни предчувствием. Дело было в больших красноватых пальцах миссис Харстрон, вцепившихся в руль.

Руки пришли в движение.

Глаза женщины слегка сузились. Плечи дернулись, голова чуть склонилась. Такие мелкие движения тела отражают то, чем занят мозг.

– Девочки спят? – отрывисто спросила миссис Харстрон, и ее рука тут же вернулась на руль. Мелани подалась вперед и сообщила, что никто не спит.

Близняшки Анна и Сузи, хрупкие словно перышки, приподнялись и, дыша в широкие плечи учительницы, посмотрели в ветровое стекло. Миссис Харстрон махнула им рукой.

– Сядьте нормально! Немедленно! И глядите в боковое окно. В левое.

Вот тогда Мелани увидела машину. И кровь. Много крови. Она заставила девочек сесть.

– Не смотрите, – предупредила Мелани. Ее сердце гулко стучало. Руки внезапно стали тяжелыми. – И пристегните ремни. – Она с трудом произносила слова.

Джойслин, Беверли и десятилетняя Эмили послушались сразу. Шэннон поморщилась и укрдкой посмотрела вперед, а Киэл возмутилась:

– Сьюзан глядела, а я что, хуже?

Анна сразу присмирела и сложила руки на коленях. Она побледнела, и это было особенно заметно по сравнению с ее загорелой, как подрумянившийся на солнце персик, сестрой. Мелани погладила девочку по голове и показала в левое окно автобуса.

– Смотрите на пшеницу.

– Очень интересно, – фыркнула Шэннон.

– Бедняги. – Двенадцатилетняя Джойслин смахнула слезы с пухлых щек.

Красный «кадиллак» крепко ударился об оросительную заслонку. Из-под капота шел дым. Пожилой водитель наполовину вывалился из автомобиля, и его голова касалась асфальта. Мелани заметила и вторую машину – серый «шевроле». Столкновение произошло на перекрестке. Судя по всему, «кадиллак», имевший первоочередное право проезда, врезался в серую машину, потому что ее водитель не обратил внимания на знак, предписывающий остановиться. «Шеви» выбросило с дороги в высокую пшеницу. Внутри никого не было. Покореженный капот съехал набок, из радиатора валил пар.

Миссис Харстрон остановила автобус и потянулась к потертой хромированной ручке дверцы.

«Нет! – пронеслось в голове у Мелани. – Поезжай дальше – найди продуктовую лавку, какой-нибудь магазин или дом. Много миль они ничего не встречали, но должно же быть что-то впереди. Только не останавливайся! Двигайся вперед». Она не произнесла ни слова, но ее руки, должно быть, шевелились, потому что Сьюзан сказала:

– Это необходимо. Он ранен.

«Но кровь! – не могла успокоиться Мелани. – Нельзя, чтобы кровь попала на девочек. На свете есть СПИД и другие болезни».

Потерпевшие аварию нуждаются в помощи, но помощь должна прийти от властей.

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте...

Сьюзан, восьми годами младше Мелани, первой выскочила из школьного автобуса и побежала к раненому. Ветер разметал ее длинные черные волосы.

Следующей была миссис Харстрон.

Мелани медлила и только смотрела. Водитель напоминал набитую опилками куклу – одна нога вывернута под каким-то невероятным углом, голова повисла, толстые руки без единой кровинки.

Она еще ни разу не видела мертвецов.

Но он, конечно, не умер. Нет-нет, только ранен. Ничего страшного. Просто потерял сознание.

Девочки одна за другой поворачивались и смотрели на происходящее. Первыми, естественно, Киэл и Шэннон, эта неугомонная парочка, напоминавшая Мелани то ли известных корейских танцоров в стиле хип-хоп, то ли «Могучих рейнджеров», то ли Людей Икс. Затем хрупкая Эмили с молитвенно сложенными руками. (Родители заставляли девочку каждый день молиться, чтобы к ней вернулся слух. Она призналась в этом только Мелани.) Беверли схватилась за грудь: произвольный жест, – до сих пор у нее никогда не болело сердце.

Мелани вышла из автобуса и направилась к «кадиллаку». Но вдруг замедлила шаг: по контрасту с серым небом, серой пшеницей и тусклым шоссе кровь показалась ей очень красной. Она была повсюду: на лысине мужчины, на его груди, на дверце машины, на желтой кожаной обивке сиденья.

Сердце замерло от страха.

Миссис Харстрон, мать двух мальчиков-подростков, начисто лишенная чувства юмора, была умной, надежной, несгибаемой, как вулканизированная покрывка. Она запустила руку под свой пестрый свитер, высвободила из-под него блузку и, оторвав от нее лоскут на импровизированный бинт, наложила его на глубокую рану на голове мужчины. Наклонилась, что-то прошептала ему, надавила на грудь, подула в рот.

И прислушалась.

«А я не слышу, поэтому ничем не могу помочь, – подумала Мелани. – Ничего не могу сделать. Надо идти в автобус и присмотреть за девочками. Замершее сердце снова забилося. Вот и хорошо».

Сьюзан тоже нагнулась и попыталась остановить кровь, текущую из шеи водителя. Потом подняла глаза на учительницу, нахмурилась, увидев свои пальцы, испачканные в крови, и спросила:

– Почему так сильно течет? Взгляните на шею.

Миссис Харстрон посмотрела, тоже нахмурилась и покачала головой.

– Шея просто продырявлена. Похоже на пулевое отверстие.

У Мелани перехватило дыхание, а сердце снова замерло.

И тут она увидела сумочку.

В десяти футах от себя.

Радуюсь возможности отвести глаза от раненого, подошла и стала разглядывать ее. Узор ткани свидетельствовал о том, что это дизайнерская вещь. Сельская девушка Мелани Черрол, зарабатывающая как учитель-практикант в школе для глухих шестнадцать с половиной тысяч долларов в год, за свои двадцать пять лет ни разу не прикасалась ни к чему дизайнерскому. Эта маленькая сумочка казалась очень дорогой, вроде тех, которые женщины вешают на плечо, отправляясь по делам в центре Канзас-Сити, на Манхэттене или в Лос-Анджелесе. Небрежно бросают на стол, достают серебряную ручку, пишут несколько слов, и все вокруг них приходит в движение – помощники и секретари бросаются исполнять их желания.

Но едва сделав шаг к сумочке, Мелани вдруг подумала: где же та женщина, которой принадлежала эта вещь?

В этот миг на нее упала тень.

Мужчина, не высокий и не толстый, но крепкий и мускулистый, с гладким молодым лицом, блестящими, коротко подстриженными волосами, широко улыбнулся, обнажив бело-снежные зубы. Мелани не верила в его добрые намерения.

Сначала ей показалось, что этот человек похож на лису, но потом она решила: скорее на ласку или горностаю. За поясом его мешковатых серых слаксов торчал пистолет. Мелани судорожно вздохнула и вскинула руки, но не к лицу, а к груди.

– Пожалуйста, не трогайте меня!

Мужчина, заметив движение ее рук, рассмеялся.

Боковым зрением Мелани видела, как поднялись встревоженные Сьюзан и миссис Харстрон. К ним шел второй мужчина огромного роста, тоже одетый во все застиранно серое. У него не хватало зуба, и на лице застыло выражение голода. Медведь, машинально подумала Мелани и подала знак Сьюзан.

– Пошли! Быстрее! – Не спуская глаз с желтого автобуса, она направилась к семи приоткрытым к окнам испуганным лицам.

Горностаю схватил ее за ворот. Мелани ударила его по руке, но не сильно, боясь разозлить.

Он что-то крикнул и встряхнул ее. Ухмылка стала холодной и настораживающей. Лицо потемнело. Мелани, ослабев от страха, уронила руки, и они повисли вдоль тела.

– В чем дело? – спросил Медведь. – Я считал, что мы... об этом.

Мелани начала глохнуть в восемь лет, когда уже овладела языком, поэтому читала по губам лучше большинства девочек. Но чтение по губам – очень сложный процесс. Он не сводится к тому, чтобы следить за движениями губ. Необходимо осмыслить выражение губ, языка, улыбки, глаз, рук и прочего. Положительный результат достигается лишь в том случае, если человек хорошо знает того, чьи слова пытается угадать. Медведь существовал в другой вселенной, совсем не в той, в которой жила Мелани. Не в ее мире староанглийского

декора, где пили чай «Силестиэл сизонингз», не в мире маленьких городков и школ Среднего Запада. Она понятия не имела о том, что он сказал.

Великан рассмеялся и смачно сплюнул. Глаза скользнули по ее телу – по груди под бордовой блузкой с высоким воротником, по длинной темно-серой юбке, черным колготкам. Мелани скрестила руки на груди. Медведь повернулся к миссис Харстрон и Сьюзан.

Горноста́й, подавшись вперед, что-то говорил, может быть, кричал, как часто поступают люди, обращаясь к глухим (и это хорошо, потому что, крича, они произносят слова медленнее и движения их губ выразительнее). Он спрашивал, кто остался в автобусе. Мелани не шелохнулась. Не могла. Только вспотевшими пальцами вцепилась себе в предплечья.

Медведь опустил глаза на залитое кровью лицо раненого и, безразлично пихнув его голову обутой в сапог ногой, наблюдал, как она мотается из стороны в сторону. Мелани всхлипнула. Ее ужаснула обыденность и безнаказанность этого движения. Она расплакалась. Медведь толкнул Сьюзан и миссис Харстрон, велел им идти к автобусу.

Бросив взгляд на Сьюзан, Мелани вскинула руки.

– Не надо!

Но Сьюзан уже действовала.

Ее прекрасная фигура спортсменки-бегуньи напряглась.

Напряглись все ее сто двенадцать фунтов мышц.

Пришли в движение сильные руки.

Ладонь полетела к лицу Медведя, тот удивленно отпрянул и перехватил ее руку в нескольких дюймах от глаз. Затем, решив поразвлечься, вывернул девушке кисть, так чтобы Сьюзан упала на колени и вывалила черные джинсы и белую рубашку в пыли и грязи. Повернулся к Горностаю и что-то крикнул.

– Сьюзан, не надо! – снова воскликнула Мелани.

Но та уже вскочила на ноги. Однако и Медведь был готов к нападению. Схватив Сьюзан, он провел ладонью по ее рубашке, на миг задержав руку на груди. Но тут же ему надоела игра, и он крепко ударил Сьюзан под дых. Девушка повалилась на колени и, схватившись за живот, пыталась вздохнуть.

– Не надо, – снова подала ей знак Мелани. – Не сопротивляйся.

Горноста́й окликнул Медведя.

– Где... он?

Тот кивнул в сторону стены пшеницы. У него было странное выражение лица: словно он что-то не одобрял, но боялся открыто возражать. Только пробормотал:

– Нет... времени... фигней...

Мелани проследила за его взглядом и всмотрелась в стебли пшеницы. И хотя ясно ничего не увидела, по тени и смутным очертаниям поняла, что там стоял склонившийся над чем-то мужчина, жилистый, невысокий, с рукой, вскинутой вверх, словно в фашистском приветствии. Мужчина надолго застыл в этой позе. А под ним Мелани различила человеческую фигуру в чем-то темно-зеленом.

И вслед за этим вспыхнула ужасная догадка – хозяйка сумочки.

«Нет, пожалуйста, нет...»

Рука мужчины неторопливо опустилась, сквозь колеблющиеся волны пшеницы блеснул зажатый в ладони металл.

Горноста́й слегка повернул голову. Услышав звук, он вздрогнул. Лицо Медведя расплылось в улыбке. Миссис Харстрон в ужасе зажала уши руками. Она прекрасно все слышала.

Плачущая Мелани всмотрелась в пшеницу. Неясная фигура все ниже нагибалась над женщиной. Высокие стебли качались на неугомонном июльском ветру. Рука мужчины поднялась и опустилась, раз, другой.

Миссис Харстрон смело взглянула на Горностаю.

– Отпустите нас... мы ничем не повредим вам... мы не...

Мелани немного успокоило, что учительница не намерена сдаваться.

Горностай и Медведь, не обратив внимания на ее слова, погнались к автобусу всех трех: Съюзан, миссис Харстрон и Мелани.

В салоне младшие девочки прижимались друг к другу на задних сиденьях. Медведь толкнул старшую учительницу и Съюзан внутрь и показал на свой карман, где лежал пистолет. Последней в автобус вошла Мелани. Горностай, толкнув ее в спину, последовал за ней. Девушка споткнулась, налетела на рыдающих близняшек и, обняв их, притянула к себе Эмили и Шэннон.

Чужой внешний мир... Их замкнуло в ужасе этого мира. Отгородиться от всего, что их окружает. От этого ужаса...

Мелани посмотрела на Горностая и поняла, что он сказал:

– Глухая, как все остальные...

Медведь втиснул свое жирное тело на водительское сиденье и завел мотор. Посмотрел в зеркало заднего вида, нахмурился и обернулся.

Вдалеке, в самом конце шоссе, появилась вспыхивающая световая точка. Медведь нажал на выключатель сигнала на руле, и Мелани ощутила в груди вибрацию автомобильного гудка.

– Какого черта? Я думал... – Медведь отвернулся, и все его остальные слова потерялись.

Горностай что-то крикнул в сторону пшеницы и, видимо, получив ответ от того, кто там прятался, кивнул. Тут же с поля на дорогу выехал серый «шеви» – сильно поврежденный, но способный двигаться – и остановился на обочине. Мелани взглянула в ветровое окно, желая рассмотреть, кто сидит за рулем, но помешал ответ: показалось, что водителя в машине нет.

Затем «шеви», буксуя на асфальте бешено вращающимися задними колесами, рванул вперед. Автобус в синем облачке сожженной резины тоже тронулся с места. Медведь ударил ладонью по рулю, обернулся к Мелани и что-то прорычал. Это были сердитые, плохие слова, но какие, девушка не поняла.

Вспыхивающий свет приближался – красные, синие и белые огни. Это напоминало фейерверк на Четвертое июля в парке Хеврона две недели назад. Мелани любовалась взрывающимися вверх и пересекающимися в небе цветными траекториями и ощущала кожей жаркие разрывы.

Она оглянулась на полицейскую машину и поняла, что их ждет. Впереди уже собрались патрульные автомобили. Они принудят автобус остановиться, и этим людям придется выйти с поднятыми руками. А ученицы и учительницы окажутся в каком-нибудь местном полицейском участке, где дадут показания. Представление в театре глухих в Топике на этот раз придется пропустить: даже если удастся вовремя добраться до места, после всего случившегося немислимо выйти на сцену и выступить со стихами.

А ведь только возможность выступить потянула ее в дорогу.

Может, это знак, что не следовало ехать? Предостережение, чтобы она не строила никаких планов? Предзнаменование?

Теперь Мелани хотела только одного: оказаться в доме, который снимала, запереть дверь и выпить чашку чая. Даже сдобрить черносмородиновой настойкой. Затем послать брату факс в больницу в Сент-Луисе и рассказать ему и родителям, что с ней приключилось. Мелани, когда нервничала, наматывала свои светлые волосы на согнутый средний палец, тогда как остальные оставались прямыми. Этот жест руки означал «сияние».

Автобус тряхнуло. Медведь вслед за серой машиной свернул с дороги и поехал по проселку. Горностай нахмурился, что-то спросил у водителя, но Мелани не различила слов.

Толстяк, не ответив, плюнул в окно. Поворот, еще поворот – они удалялись от шоссе, и местность становилась более холмистой. Приближались к реке.

Проехали под электрическими проводами, на которых сидели птицы. Большие птицы. Вороны.

Мелани посмотрела на машину, следующую впереди. Ей так и не удалось рассмотреть водителя, того, кто прятался на пшеничном поле. Сначала Мелани показалось, что у человека в «шеви» длинные волосы. В следующее мгновение она решила, что он лыс или коротко подстрижен, а затем – что на нем шляпа.

«Шевроле» повернул направо, на заросшую травой колею. Мелани догадалась, что водитель серого автомобиля увидел впереди десятки полицейских машин. Скосила глаза и посмотрела в ветровое стекло. Но никаких полицейских машин не увидела. Автобус последовал за «шеви». Медведь что-то бормотал себе под нос. Горноста́й оглядывался на едущую за ними патрульную машину.

Затем Мелани увидела, куда они направлялись.

«Нет, – подумала она. – Только не это!»

Теперь Мелани знала: надежды на то, что эти трое быстро сдадутся приближающимся полицейским, нелепы. Она поняла, куда они едут.

В самое плохое место на свете.

Серая машина свернула в заросшее сорняками поле. В его конце у реки приютилось давно заброшенное фабричное здание из красного кирпича. Темное и неприступное, как средневековая крепость. Перед ним еще сохранились остатки заборов, некогда разделявших загоны для скота, но большую часть поля захватила канзасская прерия с ее не такой уж высокой порослью – осокой, бородачом и буйволо́вой травой.

«Шеви» направился прямо к зданию, автобус последовал за ним. Обе машины остановились слева от входа.

Мелани посмотрела на красноватый кирпич.

Когда ей было восемнадцать лет и она училась в школе для глухих Клерка Лорена¹, ее привез сюда сверстник – будто бы на пикник, но на самом деле для осуществления того, чего хотят восемнадцатилетние мальчишки и чего, как казалось Мелани, хотела она сама. Но когда они, захватив с собой одеяло, вошли внутрь и Мелани увидела мрачное помещение, ее охватил страх. Она выскочила отсюда и больше никогда не видела ни оставленного ею в полном недоумении парня, ни этого здания.

Но хорошо помнила его. Заброшенная скотобойня, место смерти. Место тягостное, мрачное, опасное.

И темное. Как же Мелани ненавидела темноту! (В свои двадцать пять лет, в доме с шестью комнатами, она держала пять ночников.)

Горноста́й распахнул дверь автобуса и вытащил за собой Сьюзан и миссис Харстрон.

Патрульный автомобиль с одним-единственным полицейским внутри остановился у въезда на поле. Коп вышел из машины, держа в руке пистолет, но окаменел, увидев, что Медведь схватил Шэннон и приставил дуло к ее голове. Восьмилетняя девочка удивила бандита – вывернулась и больно пнула в колено. Вздвогнув от боли, он стал трясти ее, пока она не перестала извиваться. Медведь посмотрел в конец поля на полицейского – тот демонстративно вложил оружие в кобуру и вернулся в машину.

Бандиты стали подталкивать девочек ко входу на бойню. Медведь ударил камнем цепь, запирающую дверь, и разорвал ржавые звенья. Горноста́й взял из багажника серой машины несколько больших мешков, а ее водитель по-прежнему сидел за рулем и смотрел на здание.

---

¹ Лорен, Клерк (1785—1869) – вместе с Томасом Хопкинсом Галлаудетом основал в Хартфорде (штат Коннектикут) первую в Северной Америке школу для глухих.

Блики на стекле все еще мешали Мелани разглядеть его, но ей показалось, что этот человек почувствовал себя свободнее и с любопытством рассматривает башенки и темные окна.

Медведь рывком открыл дверь и вместе с Горностаем втолкнул девочек в здание. Внутри пахло пещерой, и ничто не напоминало о том, что когда-нибудь здесь обитали люди. Грязь, экскременты, плесень, гниль, распространяющая приторную вонь, прогорклый животный жир – все это било в нос. Здание представляло собой лабиринт проходов и загонов. В загонах стояло ржавое оборудование, валялись остатки старых механизмов. Под потолком висели ряды ржавых крюков. И все окружала тьма – хоть глаз выколи, как и запомнилось Мелани.

Медведь провел учениц и учительниц в полукруглый зал, выложенный плиткой. Помещение без окон пропитывала сырость. На полу и стенах темнели бурые пятна. Потертый деревянный пандус вел в левую часть помещения. Смонтированный над головой конвейер с крюками для туш исчезал справа. В центре располагался сток для крови.

В этом зале убивали животных.

Ветер холодный – разве это хорошо?

Киэл схватила руку Мелани и прижала к себе. Миссис Харстрон и Сьюзан, то и дело кидавшая на бандитов ненавидящие взгляды, обняли других девочек. Джойслин всхлипывала, близняшки тоже, у Беверли начался приступ астмы.

Восьми серым птичкам некуда лететь.

Они сгрудились на холодном сыром полу. В сторону метнулась крыса – шкура тусклая, словно старое, обветренное мясо. Затем снова открылась дверь. Мелани, защищаясь от яркого света, прикрыла рукой глаза.

Он стоял на пороге в холодном свете дня.

Низенький и худощавый.

Вдоль продолговатого лица висели блеклые, светлые космы. В отличие от других на нем была только майка с напечатанной фамилией: Л. Хэнди². Но для Мелани он был отнюдь не Хэнди и не какой-нибудь Лэрри или Лу. Она почему-то сразу вспомнила актера, который играл Брута в последней постановке «Юлия Цезаря» в Канзасском театре для глухих.

Л. Хэнди положил на цементный пол два тяжелых полотняных мешка. Дверь закрылась, мертвенный свет потух, и Мелани рассмотрела его тусклые глаза и тонкие губы. Еще она заметила и поняла, что сказал Медведь:

– Какого черта? Мы отсюда ни за что не выберемся!

А затем будто ясно услышала голос Брута – такое иногда случается: глухие различают призрачные человеческие голоса, звучащие совсем не по-человечески:

– Не имеет значения. Абсолютно никакого.

Говоря это, он смотрел на Мелани, и его ледяная улыбка предназначалась именно ей. Указав на ржавые прутья, он велел двум другим мужчинам надежно запереть дверь.

---

² Handy – близкий, доступный (англ.).

09:10

За двадцать три года он ни разу не забыл об этой дате.

Образцовый муж.

Артур Поттер отогнул край пакета с упакованными в нем розами – сияющие цветы, оранжевые и желтые, широко распахнутые чашечки с пышными, чуть загнутыми по краям, безупречными по красоте лепестками. Он понюхал их. Любимые цветы Мэриан. Сочные краски – никакого белого или красного.

На светофоре зажегся зеленый свет. Осторожно положив букет на соседнее сиденье, он проехал перекресток. Рука прошла по животу, туго стянутому ремнем. Артур Поттер поморщился. Ремень, служивший ему мерилем веса, теперь был застегнут на предпоследнюю дырочку, проделанную в потертой коже. «В понедельник сяду на диету», – бодро пообещал себе Артур Поттер. К тому времени он вернется в Вашингтон, великолепная стряпня родственницы давно переварится, и можно будет снова сосредоточиться на подсчете граммов жира.

Всему виной Линден. Еще бы... Вечером она подала отварную солонину, картошку с маслом, капусту с маслом, пресные лепешки, которые тоже предполагалось намазать маслом (и он не упустил случая), лимскую фасоль, жареные помидоры, шоколадный торт с ванильным мороженым. Линден была двоюродной сестрой Мэриан по линии Макгиллисов. Их общий предок имел двух сыновей, Имона и Харди, которые прибыли в страну третьим классом, в один год женились, и их жены родили дочерей: одна через десять, другая через одиннадцать месяцев после того, как дали женихам клятвы верности.

Сам Артур Поттер, оставшись сиротой в тринадцать лет, был единственным сыном. Его родители тоже не имели ни братьев, ни сестер. Он радостно влился в семью жены и много лет составлял генеалогию Макгиллисов. Рассылая письма, выяснял детали (писал от руки на дорогой бумаге, компьютером для набора текста так и не обзавелся) и благоговейно, почти суеверно разбирался в извивах ветвей генеалогического древа клана.

Магистраль «Конгресс экспрессуэй». Сначала направление на запад. Затем на юг. Руки на верхней трети руля, сам сгорбился, очки сидят на бледном мясистом носу. Поттер проезжал рабочие районы Чикаго. Доходные многоквартирные дома и ряд коттеджей на две семьи заливал неяркий свет хмурого неба, характерный для Среднего Запада.

Он подумал о том, что в разных городах и свет разный. Поколесив по миру, Артур Поттер накопил множество тем для путевых очерков, которые никогда не напишет. Изыскания по генеалогии и заметки о службе, откуда он скоро уйдет в отставку, видимо, будут его единственным литературным наследием.

Поворот, еще поворот. Он вел машину автоматически, почти небрежно. Артур Поттер, нетерпеливый по характеру, давно изжил в себе этот порок, если его можно назвать пороком, и никогда не нарушал наложенные на себя ограничения.

Направив взятый напрокат «форд» на Остин-авеню, он посмотрел в зеркальце заднего вида и заметил машину.

В серо-голубом седане сидели два неприметных молодых человека с удивительно стертой внешностью: хорошо выбритые, чистоплотные, с отбеленной совестью. Они висели у него на хвосте.

Федеральные агенты – было написано у них на лбу.

У Поттера екнуло сердце.

– Черт! – пробормотал он своим низким баритоном. Разозлившись, стиснул зубы, а затем, словно предвкушая гонку на предельной скорости, плотнее обернул цветы зеленой

бумагой. Но когда нашел нужную улицу, повернул осторожно, не быстрее семи миль в час. Букет жены скатился на его полное бедро.

Артур Поттер не гнал: его стратегия заключалась в другом – он еще надеялся, что двое в серо-голубом седане едут по своим делам: продают компьютеры или предлагают типографские услуги, а в таком случае скоро исчезнут.

Оставят его в покое.

Но висевшая на хвосте машина не обгоняла и не отставала. Преследователи, соблюдая безопасную дистанцию, упрямо тащились за «фордом» Поттера, двигавшимся с раздражающе черепашьей скоростью.

Свернув на знакомую подъездную аллею и добравшись до конца, он остановился, быстро вылез из машины и, прижимая цветы к груди, пошел вразвалочку по дорожке. Пусть агенты сочтут его походку вызывающей и остановят его здесь.

Но как им удалось отыскать его?

Поттер вел себя очень осмотрительно. Оставлял машину за три квартала от квартиры Линден. Просил ее не отвечать на телефонные звонки и выключать компьютер. Эта женщина пятидесяти одного года родилась бы цыганкой, если бы могла перегруппировать свои гены (вот насколько они были разными с Мэриан, хотя в них и текла одна кровь), точно следовала его указаниям. Она привыкла к необъяснимым поступкам родственника. Считала его поведение опасным и неблагоразумным, а он не пытался разубедить ее, потому что, в сущности, она не ошибалась.

Агенты остановили машину за «фордом» Поттера и вылезли. Он слышал за спиной их шаги по гравийной дорожке.

Они не спешили, понимая, что теперь достанут его повсюду.

«Я ваш, самоуверенные сукины дети!»

– Мистер Поттер!

«Нет-нет, убирайтесь! Только не сегодня. Сегодня особенный день. Годовщина моей свадьбы. Мы поженились двадцать три года назад. Поймете, когда будете такими же старыми, как я.

Отвяжитесь!»

– Мистер Поттер!

Молодые люди были неотличимы друг от друга. Он не обратил внимания на одного, также поступит и с другим.

Поттер шел по газону к жене и думал: «Мэриан, прости меня за это. Со мной пришла беда. Мне так жаль!»

– Подите прочь, – прошептал он сквозь зубы, и вдруг мрачные белокожие типы в темных костюмах остановились, будто услышали его слова. Поттер встал на колени и положил цветы на могилу. Начал разворачивать зеленую бумагу, уголком глаза видя молодых людей. Повременил, зажмурился и закрыл ладонями лицо.

Он не молился. Теперь Артур Поттер больше вообще не молился. А раньше случилось. Время от времени. Хотя его ремесло выработало в нем тайные суеверия, он перестал молиться тринадцать лет назад, когда Мэриан живая превратилась в Мэриан мертвую, и произошло это в тот момент, когда он, сложив кончики пальцев, вел искусные переговоры с Богом, в существование которого более или менее верил всю жизнь. Тот, к кому он обращался, не внимал ему. Это не удивило и не разочаровало Поттера, но молиться он перестал.

Теперь, закрыв глаза и так же подняв вверх пальцы, он посылал ударную волну, ограждая себя от этих типов без особых примет.

Да, это федеральные агенты, но пусть они будут агентами богобоязненными (как это часто случается) и держатся на расстоянии.

Поттер не молился, но разговаривал с женой, которая лежала здесь все эти долгие годы. Его губы шевелились. Он получал ответы, потому что знал ее ум не хуже своего. Но присутствие типов, одетых в костюмы одного покроя, мешало. Наконец Поттер медленно поднялся и посмотрел на мраморный цветок, вправленный в гранит надгробия. Он заказывал розу, но получилось что-то вроде хризантемы. Наверное, резчик по камню был японцем.

Больше незачем тянуть.

– Мистер Поттер?

Он вздохнул и отвернулся от могилы.

– Я специальный агент Макговерн. А это специальный агент Кроули.

– В чем дело?

– Извините за беспокойство, сэр. Не согласитесь ли выслушать нас?

– Может, пройдем к машине? – предложил Макговерн.

– Что вы от меня хотите?

– Пожалуйста, идемте. – Никто не говорит это «пожалуйста» так, как агенты ФБР.

Сопровождаемый с двух сторон, Поттер направился к их автомобилю. И только рядом с машиной понял, какой неослабевающий и на удивление холодный для июля дует ветер. Он оглянулся на могилу – порыв шевелил зеленую упаковку цветов.

– Так. – Поттер резко остановился, решив, что дальше не тронется с места.

– Извините, что нарушили ваш отпуск, сэр. Мы звонили по тому телефону, где вы остановились, но никто не ответил.

– Туда тоже послали людей? – Поттер встревожился. Линда, конечно, огорчится, если агенты заявятся к ней в дом.

– Да, сэр, но как только мы нашли вас, сразу сообщили им по радио.

Поттер кивнул и посмотрел на часы. Вечером предполагалась пастушья запеканка. Зеленый салат. Он должен был купить что-нибудь спиртное. Для себя темное пиво «Сэмюэл Смит», для других крепкий портер. После ужина они собирались поиграть в бридж с Холбергами из соседней квартиры.

– И насколько все серьезно? – спросил он.

– ЧП в Канзасе, – ответил Макговерн.

– Очень серьезно, сэр. Он просит вас собрать группу чрезвычайного реагирования. Самолет «Дом Тран» ждет вас в Гленвью. Подробности здесь.

Поттер взял у молодого человека запечатанный конверт, посмотрел на свою руку и с удивлением увидел на большом пальце капельку крови. Должно быть, поцарапался о шип, притаившийся на стебле цветка, похожего на дамскую шляпку с мягкими полями. Он открыл конверт и прочел факс. Под ним стоял стремительный росчерк директора Федерального бюро расследований.

– Как давно они забаррикадировались?

– Первый доклад поступил примерно в восемь сорок пять.

– Уже вышли на связь?

– Пока нет.

– Изолированы?

– Вполне. Там канзасская полиция и с полдюжины агентов из нашего отделения в Уичито. Не проскочат.

Поттер застегнул, затем расстегнул спортивный пиджак. Он понял, что агенты смотрят на него слишком уж почтительно. Это действовало на нервы.

– Мне нужен Генри Лебоу для осуществления аналитического сбора информации и Тоби Геллер для связи. Его имя пишется необычно, с буквой «е» на конце, но произносится как «Тоби».

– Слушаюсь, сэр. А если их не удастся найти...

– Только их. Разыщите, где бы они ни были. Мне нужны только они. Необходимо, чтобы через полчаса они были на месте. И еще выясните, можно ли заполучить Анжи Скапелло. Она может быть в штаб-квартире или в Квонтико. Бихевиористский отдел. Доставьте и ее.

– Есть, сэр.

– Какое положение с ГСЗ?

Группа спасения заложников ФБР состояла из сорока восьми агентов и была самым большим в стране подразделением этого профиля.

Кроули предоставил Макговерну сообщить неприятное известие.

– С группой проблемы, сэр. Одна часть задействована в Майами. Двадцать два агента участвуют в рейде Управления по борьбе с наркотиками. Другая сейчас в Сиэтле. Там ограблен банк, преступники забаррикадировались с заложниками. Туда послали девятнадцать бойцов. Можно попробовать наскрести людей на третью группу, но придется отозвать несколько агентов из тех двух. Пройдет какое-то время, прежде чем все соберутся на месте.

– Свяжитесь с Квонтико и соберите группу. Я позвоню Фрэнку из самолета. Где он?

– На инциденте в Сиэтле, – ответил агент. – Если вы захотите собрать чемодан, мы будем ждать вас у дома...

– Нет, я еду прямо в Гленвью. У вас есть сирена и мигалка?

– Да, сэр. Но квартира вашей родственницы всего в пятнадцати минутах езды отсюда...

– Послушайте, может кто-нибудь из вас снять бумагу с цветов на могиле? Я буду очень признателен. И как-нибудь устроить, чтобы розы не унесло ветром.

– Хорошо, сэр. Я все сделаю, – быстро ответил Кроули. Значит, разница между ними все-таки есть. Поттер понял, что Макговерн не из тех, кто будет раскладывать цветы.

– Большое спасибо.

Он пошел по тропинке, Макговерн последовал за ним. Остановиться разок все же придется – купить жевательную резинку. Военные самолеты так быстро набирают высоту, что у Поттера закладывало уши словно в скороварке. Против этого есть одно средство – сжевать целую пачку «Риглиз», едва колеса оторвутся от бетона. Как же он ненавидел летать!

«Я устал, – подумал Поттер. – Чертовски устал», – и, не оборачиваясь на могилу, прошептал:

– Я вернусь, Мэриан. Обязательно вернусь.